

Древнерусская притча: самоопределение жанра

Широкий интерес к жанру притчи возник в литературной критике в 1970-х гг., когда вопрос об использовании ее методов и возможностей стал все чаще подниматься в связи с современным литературным процессом, требуя выхода и в историю литературы. О притче писали и пишут в связи с творчеством Виктора Астафьева и Карела Чапека, Василя Быкова и М. М. Пришвина, Г. Гарсиа Маркеса и Валентина Распутина, А. С. Пушкина и Н. С. Гумилева¹ — список этот можно продолжать почти бесконечно. Понятия *притчевость* и *притча* прочно вошли в литературно-критическую терминологию, отражая как увлеченность исследователей новой сферой художественного анализа, так и определенную моду, охватившую широкий круг авторов и поставившую рядом часто несовместимые явления. Притчей могли назвать любое произведение, отличающееся символичностью, иносказанием, философской направленностью — чертами, характерными не для одного какого-либо жанра, а для художественного творчества в целом.

Связано это в первую очередь с неизученностью жанра притчи. Вопрос о его истории в русской литературе, его разновидностях и вариантах лишь теперь начинает разрабатываться. Особенно важно исследование притчи в древнерусской литературе, поскольку, с одной стороны, именно там наиболее ярко проявляются черты, характеризующие жанровую специфику притчи, с другой — параболичность пронизывает большинство древнерусских текстов. Поэтому сначала нужно определить, что под термином *притча* понимали древнерусские авторы.

Начиная исследование жанровой системы древнерусской

¹ См., например, *Касемаа Я. Э.* О притче в современной советской прозе // Вестник ЛГУ. 1977. Вып. 2. С. 71—75, *Якименко В.* Границы и возможности (Миф и притча в современной литературе) // ВЛ. 1978. № 11. С. 82—104, *Kassek D.* Zur Genesis parabolischen Erzählens bei Vasil' Bykau // Zeitschrift für Slavistik. 1988. Bd. 33. H. 4. S. 523—532, *Шабловская И. В.* Притча как способ художественного мышления Карела Чапека // *Studia bohémica.* К 70-летию С. В. Никольского. М., 1992. С. 160—173, *Тюна В. И.* Новелла и аполог // Русская новелла проблемы теории и истории. СПб., 1993. С. 13—25.

литературы, Д. С. Лихачев обратился в первую очередь к терминологии, употребляемой средневековыми авторами.² Однако, в противоположность характерной для большинства нарративных памятников (сказаний, повестей, чудес, житий) многовариантности заглавий, термин «притча», как правило, однозначен и не раскрывается никакими синонимами. Наоборот: к нему подтягиваются другие термины, и словом «притча» в рукописях может называться Повесть об Акире или же басни из Стефанита и Ихнилата или же езопа.³ Позднее, после перевода польско-украинских сборников прикладов, их также в русской традиции могут называть притчами — так, заглавие «Приклад, сиречь притча» характерно для ряда списков Римских Деяний.

Таким образом, анализ терминологии в данном случае не вскрывает авторского отношения к жанру. Напротив, его обозначение оказывается противоречивым, потому что под словом «притча» подразумевались самые разные типы текста. Связано это, по-видимому, с генезисом притчи. Она, как известно, пришла в русскую литературу с христианской письменностью, с первыми переводами текстов Священного Писания, где существует в двух видах: притча-сентенция — в основном в Ветхом Завете (книги Притч Соломоновых, Екклесиаст и т. п.) и притча-наррация — прежде всего в Евангелии. Оба этих вида, имеющих в источнике разные наименования (парабола и паремия), при переводе были обозначены одним словом — «притча». Мало того: тем же словом, как показывает словоуказатель к Повести о Варлааме и Иоасафе, передавались такие понятия как «загадка» «пример образец» «задача задание».⁴ Вместе с противоречивым термином⁵ исконным оказалось и противоречивое

² Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы Доклады советской делегации V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М., 1963. С. 49—51.

³ См.: Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф. Древнерусская повесть М., Л., 1940, Назаревский А. А. Библиография древнерусской повести. М., Л., 1955.

⁴ Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятника древнерусской переводной литературы XI—XII вв. Л., 1988.

⁵ О термине «притча» см. подробнее: Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX вв.

представление о сути жанра.

Исконная связь притчи с Писанием во многом определила бытующие мнения о том, что притча — жанр несамостоятельный. Так, С. С. Аверинцев пишет: «Притча не способна к обособленному бытованию и возникает лишь в некотором контексте».⁶ В. В. Кусков также считал, что в системе жанров XI—XIII вв. притча самостоятельным жанром не является.⁷

Мнение это опровергается древнерусской рукописной традицией, которая свидетельствует о массовом распространении сюжетной притчи и притчеобразных форм повествования начиная по крайней мере с XII в.; «неприкосновенными» вплоть до XVII в. остаются лишь притчи из Евангелия, которые не подвергаются никаким обработкам и переделкам. Для большинства древнерусских, как и позднейших, авторов Евангелие было вечно живым идеальным образцом, к которому должно было стремиться, но которого невозможно было достичь. Зато почти сразу после своего появления начинают перерабатываться и вызывают подражания структурно близкие евангельским притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе.

На Руси образцы самостоятельного жанра притчи появились не позднее XII—XIII вв. В датированном этим временем списке Пролога (РНБ, Соф. 1324) сохранилось 7 притч, внесенных русским редактором: Притча о теле человеке и о души (о слепце и хромце), 5 притч из Повести о Варлааме и Иоасафе и Притча о еретицах и идолопоклонницах. Их-то существование в самостоятельном виде и опровергает приведенные мнения о принципиальной несамостоятельности этого жанра. При этом почти все они носят следы обработки их русским редактором: по наблюдениям И. Н. Лебедевой, при выборке для Пролога притч из Повести о Варлааме и Иоасафе в них сокращены тексты, изменены или дописаны

Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 75—76.

Краткая литературная энциклопедия. М., 1971. Т. 6. Стб. 20.

⁷ Кусков В. В. Жанры и стили древнерусской литературы XI—XIII вв. Автореф. дисс. д-ра филол. наук. М., 1980. С. 9.

толкования и т. п., а Притча о еретицах и идолопоклонницах, также надписанная именем Варлаама, не встречается ни в одной из разноязычных версий этого романа, что позволяет предположить здесь творчество русского автора.⁸

В свою очередь Притча о слепце и хромце из того же Пролога, соотносимая с евангельским сюжетом (Мф. 21:33), но не равная ему, в другой редакции известна среди сочинений Кирилла Туровского, создавшего на ее основе своеобразный политический памфлет. В творчестве Кирилла Туровского известна и еще одна притча — о белоризце и мнишестве, основанная на тексте проложной версии Притчи Варлаама, следовательно, все эти притчи появляются в русской литературе никак не позже XII в.

Популярность притч Варлаама столь велика, что они используются и в других, далеких по жанру сочинениях. Так, Притча Варлаама о инорозе цитируется в Сербской Александрии: сын мастридонской царицы Кандавкус, плененный Александром, говорит о себе: «От страха твоего бежах <...> *На мне свершися притча некоего злочасна человека, иже от лва бегая, на древо утекох высоко и, край древа нозе свои утвердив, от страха лвова о себе печалився. На верх древа поглядав, выше себе змия велика виде, хотяща его поглотити, и в недоумении бысть*».⁹ Цитата эта в русском варианте Александрии ближе к первоисточнику, чем в южнославянских текстах; по мысли Я. С. Лурье, она могла быть выверена кирилло-белозерским книжником Евфросином, в списках которого сохранились и Александрия, и притчи Варлаама.¹⁰

Таким образом, авторы и редакторы XII—XIII вв. не так мало сделали в области притчи; но они, как правило, ничего не говорят о своем

⁸ См.: Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI-XII вв. / Подгот. текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой. Л., 1985. С. 72—85.

⁹ Александрия Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М., Л., 1965. С. 56. Курсив мой. Эта цитата впервые была выявлена А. Н. Веселовским (см.: Веселовский А. Н. О славянских редакциях одного аполога Варлаама и Иоасафа. СПб., 1879. С. 6).

¹⁰ Александрия. С. 203.

произведении. Это особенно наглядно на фоне известных рассуждений авторов житий о своем бессилии должным образом изобразить образ святого, о поисках очевидцев его подвигов и чудес или, тем более, на фоне высказываний риторов в торжественных речах. Ср. у того же Кирилла Туровского: «Яко же историци и вѣтия, рекше лѣтописьци и пѣснотворци, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и выпълчения, да украсять словесы и възвеличатъ мужьствовавшая крѣпко по своему цесари и не давших в брани плещю врагом, и тѣх славяще похвалами венчаютъ колми паче нам лепо есть и хвалу к хвалѣ приложити храбром и великим воеводам Божиим...».¹¹ Ничего подобного о притче в этот период пока неизвестно.

Впрочем, Притча о слепце и хромце у Кирилла Туровского начинается с похвалы книжному чтению, и притча там упоминается: «Добро убо, братье, и зѣло полезно, еже разумѣвати нам *божественных писаний учение*; се и душу цѣломудрену стваряеть, и к смиренію прилагаетъ ум, и сердце на реть добродетели извоостряеть, и всего благодарьствена человека стваряеть, и на небеса ко владычним обещанием мысль приводить и к духовным трудом тѣло укрепляеть и приобидѣние сего настоящего жития и славы и богатства творить и вея житискыя свѣта сего печали отводить. Того ради молю вы *потщитесь прилѣжно почитати святныя книги*, да ся Божиих насытивше словес и будущаго вѣка неизреченных благ желание стяжите <...> Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добрѣе *книгий разум*: сия убо суть скровища вѣчныя жизни <...> Сему случается еуагельская притча глаголющи: всяк книжник научися Царствию Небесному подобен есть мужу домовиту, иже износит от скровищъ своих ветхая и новая <...> *Но тружается мой мутны ум, худ разум имѣя, немогый порядних словес по чину глаголати*, но яки слѣп стрѣлецъ смѣху бываетъ, немоги намѣренаго уллучити. Но не буди нам особь подвигнути ненаказан язык, *но от божественных возьмюще*

¹¹ *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л. 1958. Т. 15. С. 344.

писаний, со многою боязнью еуаггельских касаемся бесѣдовати словес, приводнѣ Господню притчу сказующе, юже Матфей церкви предасть».¹²

Термин «притча» здесь употреблен дважды: один раз — при цитате («еуаггельская притча глаголющи»), второй — при завершении введения, при переходе к изложению собственно Притчи о слепце и хромце, причем Кирилл, в отличие от проложной версии, особо подчеркивает ее связь с Евангелием («юже Матфѣй церкви предасть»). Этими двумя случаями упоминание притчи здесь и ограничено. Вся же остальная тирада — *не о притче, а о Писании*: «от божественных вземлюще писаний, со многою боязнью еуаггельских касаемся бесѣдовати словес» «потщитесь прилежно почитати святаыя книги» «Добро < > еже разумѣвати нам божественных писаний учение» Для Кирилла Туровского обращение к Притче о слепце и хромце, на основе которой он пишет собственное произведение, — это обращение к Евангелию (хотя еще И. П. Еремин в свое время показал, что ее текст происходит от талмудических легенд с учетом евангельской композиции и стилистики¹³). Отсюда и авторский страх («со многою боязнью еуаггельских касаемся бесѣдовати словес»), и неверие в собственные силы («тружается мой мутны ум, худ разум имѣя, немогыи порядних словес по чину глаголати»). *Автором* притчи Кирилл себя не называет, только толкователем («еуаггельских касаемся *беседовати* словес»), и иначе не может быть, если помнить, что в Евангелии *автор* притч — только Христос. Объявить себя автором той или иной притчи — значит в каких-то явлениях приравнять себя Богу и, следовательно, впасть в тяжелейший грех гордыни. Поэтому поиски авторских высказываний о притче в древнейший период, скорее всего, будут тщетными.

Ситуация в корне меняется к XVI в. Именно к этому времени относятся наиболее ранние писательские высказывания по поводу притчи, обнаруженные Н. С. Демковой. В своей работе о Повести о Петре и Февронии она приводит как высказывания о иносказании Ермолая-Еразма,

¹² То же // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 340—341. Курсив мой.

¹³ *Еремин И. П.* Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // ИОРЯС. Л., 1926. Т. 30. С. 337—340.

требующего от книжника видеть в тексте не букву, а смысл («Не единым бо очным зрением или языка соглаголением книгочий, но пространством ума, еже мыслями разумными сведете глубины»¹⁴), так и извинительные формулы агиографов XVI в., где выражение «решать притчи» начинает делаться общим местом: «...извития словесем не вем, *ни решения притчам навыхох*, ни от философов учихся грамматики же риторики никогда же не прочитах».¹⁵ Притча приобретает особое значение для индивидуального творчества ведущих писателей. Она отмечается, в частности, среди произведений Максима Грека, Ивана Пересветова, Ермолая-Еразма. По наблюдениям Н. С. Демковой, понимание притчи как иносказания «приобретает характер приметы времени».¹⁶

О том, что столь свободное и притом *личностное* обращение к жанру притчи устанавливается лишь к середине XVI в., может свидетельствовать дело дьяка И. М. Висковатого (1554 г.), из которого ясно, что защитники «старого» искусства характеризовали новые символические построения как «своя мудрствования <...> от приточ», предпринятые «по своему разуму, а не по Божественному Писанию».¹⁷

Последнее высказывание, на мой взгляд, является своеобразным ключом к пониманию ситуации. Как и у Кирилла Туровского, с точки зрения традиционалистов, притча не может создаваться как «своя мудрствования», а принадлежит только Писанию.

Вместе с тем XVI в. занимает важнейшее место в истории жанра. К его началу у восточных славян начинается активная работа над созданием полного библейского кодекса. В 1490-х гг. в кружке при новгородском архиепископе Геннадии переводятся с латыни недостававшие в русской рукописной традиции библейские книги и по образцу Вульгаты формируется и распространяется первая русская Библия.¹⁸ Вскоре после

¹⁴ Демкова Н. С. Средневековая русская литература Поэтика интерпретации, источники. СПб., 1997. С. 89.

¹⁵ Там же. С. 94. Курсив мой.

¹⁶ Там же. С. 88.

¹⁷ Там же. С. 89.

¹⁸ См.: Ромодановская В. А. Геннадиевская библия 1499 г. в русской рукописной

этого начинает работу по переводу Библии Франциск Скорина: первые его четыре книги были опубликованы в Праге в 1517 г., среди них была и Книга Притчей Соломоновых.

Работа над переводом библейских книг естественным образом вызывала к жизни чисто филологический интерес к их тексту. Одним из первых проявлений филологического подхода явились печатные высказывания о жанре притчи в предисловиях к библейским книгам Франциска Скорины — предисловиях, написанных, как известно, им самим и потому справедливо издающихся под его именем.¹⁹

Ф. Скорина стремился дать читателю представление об истории создания и характере предлагаемого текста. В предисловии к Книге Притчей Соломоновых рассказывается прежде всего о том, как Соломон «просил ест от Господа Бога мудрости и разума» (С. 20), и Бог «дал ест царю Саломону мудрость большую, нежели которому иному человеку» (С. 21). Тогда «и написал ест царь Саломон трое книги к нашему научению: Первые, рекомые Параболы, то суть Притчи; вторые — Еклезиястес, а то ест Сборник; третьи же называются Песни песням. А в tych троих книгах Божиим повелением мудрость свою выписал» (С. 21). Скорина все время подчеркивает внутренние связи перечисленных книг, объединенных именем Соломона,²⁰ указывая в общем предисловии к Библии, что последняя — Песнь Песней — требует наибольшей зрелости читателя: «...трое [к]нижки Соломоновы: Притчи, Еклезияст и Песни Песнем. В первых науку младенцем, во вторых — мужем, во третьих — старым выписуеть» (С. 49).

В предисловии к Книге Притчей Соломоновых дается как терминология интересующего нас жанра, так и краткая его характеристика.

традиции XV—XVII вв. (латинские источники). Автореф. дисс. канд. филол. наук. СПб., 1999.

¹⁹ *Скарына Ф.* Творы Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Мінск, 1990. Далее ссылки на это издание в тексте.

²⁰ О цикличности предисловий Ф. Скорины см.: *Демин А. С.* Скоринские предисловия к библейским книгам как литературный цикл // *Великою ласкою Францишек Скорина в традициях славянского просветительства.* М., 1994. С. 41—46.

Явно под влиянием создателя Вульгаты Иеронима терминология приведена в разных вариантах — по-еврейски, гречески, латыни, с добавлением русской: «Притчи же нарецаются еврейским языком машлоф, а греческим — параболе, по-латине же — proverbия, а по-русски — притчи или присловия» (С. 21).

Собственно жанровые определения Скорины вполне соотносятся с современными. О притчах он пишет: «Иными словы всегда иную мудрость и науку знаменуют, а иначе ся разумеють, нежели молвены бывають, и болши в себе сокритых тайн замыкають, нежели ся словами пишут» (С. 21). В приведенной формуле определяется важнейший принцип притчи — иносказание, аллегория — те наиболее существенные черты жанра, которые и теперь подчеркиваются при его характеристике. Ср. определение «Краткой литературной энциклопедии»: «дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий басне».²¹

Однако только формулировкой Скорина не ограничивается. Он отмечает разновидности притчи, указывая, что в первой части книги они предназначены для юношества («яко бы отец сына научая мудрости, разума, умения, страха Божия и иных добрых нравов»), во второй — «разноличьные», где «едина каждая притча особливую речь в себе замыкает, добрую и злую, не имаючи жадиного взгляду к задней или ко передней притчи»; наконец, в третьей части помещаются самые сложные: «Сия же останочная часть сокритей в притчах пишеть, нежели преднии две» (С. 21—22).

Не обходит Скорина стороной и тематику притч: «Пишет же в них царь Соломон о мудрости, о страхе Господнем, о службе Божией, о науце, о карании злых нравов, и о научении цнот и добрых обычаев, о хитростях женских, о царех добрых и о злых, о справедливости, о суждех, о речах противных, о нена-сыщенных, о зверех неких и о дивном прирожении их, о речах трудных к познанию и о иных многих различных речах» (С. 23).

По-видимому, жанр притчи вызывает у Скорины особое восхищение,

²¹ Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. Стб. 20.

и он не скрывает его: «Ест бо в сих притчах сокрита мудрость, якобы мощь в драгом камени, и яко злато в земли, и ядро у в ореху. Кто ю найдетъ, сей найдетъ милость, и достанетъ благословения от Господа, и приидеть к нему все доброе по-сполу с нею. Хвала и честь безчисленая мощию ея, она убо ест мати всех добрых речей и учитель всякому доброму умению» (С. 22).

Таким образом, предисловие Скорины представляет едва ли не самый ранний в восточнославянской филологии опыт литературоведческой характеристики притчи, где охарактеризованы такие важнейшие черты жанра, как его название, предназначение, сфера употребления, специфика оформления (скрытая мудрость — «ядро в орехе»).

Несмотря на сложное отношение к Библии Скорины на Руси,²² она несомненно была здесь известна. Судя по дошедшим до нас описям библиотек, в XVI в. она числилась в библиотеке Строгановых,²³ в Соловецком монастыре, в Николаевском Корельском монастыре,²⁴ в новгородской Софийской библиотеке.²⁵ Тексты ее переписывались,²⁶ а предисловия в 60-х гг. XVI в. были включены в один из списков Геннадиевской библии.²⁷ Таким образом, можно думать о достаточном знакомстве русских читателей с Библией белорусского просветителя, а через нее — с его рассуждениями о жанре притчи.

Впрочем, возможность знакомства вовсе не свидетельствует о непременном и прямом влиянии. В настоящее время я могу указать лишь одну параллель, правда, позднюю и не русскую, а украинскую:

²² В первой четверти XVII в. ее запрещали и изымали вместе с другими изданиями «белорусцев».

²³ См.: *Мудрова Н. А.* «Литовские» книги в библиотеке Строгановых в XVI—XVII вв. (К постановке вопроса) // Федоровские чтения. 1982. М., 1987. С. 96—97.

²⁴ См.: *Голенченко Г. Я.* Книги Франциска Скорины в белорусских, русских и украинских собраниях XVI—XVII вв. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. М., 1979. С. 149—163.

²⁵ См.: *Голенищев-Кутузов И. Н.* Украинский и белорусский гуманизм // Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы. М., 1978. С. 155.

²⁶ См.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. С. 218—244.

²⁷ *Ромодановская В. А.* Геннадиевская библия. С. 6-7.

скорининский образ притчи как скрытой мудрости — «ядро в орехе» — разрабатывается Г. С. Сковородой в сочинении «Книжечка о чтении Священного Писания, нареченная Жена Лотова», ср.: «Нецеломудренная сия о Лоте басня есть притча и образ, завивающий в нечистой тряпице своей пречестную жемчужину царствия Божия и закрывающий, *будто ореховая корка, зерно Сими-то орехами весь библейный рай, как родосские сады плодами, наполнен и преисполнен*»,²⁸ еще: «дума твоя похожа была на беззубого младенца, обращающего в устах своих самый благородный из соломоновских садов орех, но не по зубам своим».²⁹ «Из соломоновских садов орех» — это о притче.

Что же касается истории притчи на Руси, то можно говорить о своеобразном «прорыве» ее в XVI в. В этот период появляется не только притча у видных авторов, о которой уже упоминалось (Максим Грек, Ермолай-Еразм и т. п.), но и массовая притча на самые разнообразные сюжеты: толкование имен, годовая хронология, «О седми степенях человеческого естества», о строении Псалтыри, о истории грехопадения Адама и т. п. Происхождение этих произведений может быть самым разнообразным. Так, статья «Предисловие имени кождо человека, *иже от притчи, или от вещи*» ведет свое начало от вступления к Азбуковнику, созданного Нилом Курлятевым,³⁰ а Притча о царе-годе является ядром большого комплекса статей, известного под названием «Предисловие к святцам» и имеющего в своей основе перевод 8-й главы из трактата французского епископа XIII в. Гийома Дюрана «*Rationale divinatorum officiorum*».³¹ Трактат Дюрана был переведен в 1495 г. в том же новгородском кружке архиепископа Геннадия, где шла работа над созданием Библии, и в течение XVI—XVII вв. получил широкое

²⁸ Сковорода Г. С. Соч. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 60. Курсив мой.

²⁹ Там же. С. 46. Курсив мой.

³⁰ См. подробнее: Ромодановская Е. К. К вопросу о поэтике имени в древнерусской литературе // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 3—8.

³¹ См.: Бенешевич В. Н. Из истории переводной литературы в Новгороде конца XV столетия // Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 378—380 (ИОРЯС. Т. 101. № 3).

распространение в разного вида обработках в русской рукописной книжности — прежде всего в месяцесловах, синодиках, святцах, сборниках энциклопедического характера, лубочной литературе и т. п.³²

С переходом в лубок Притча о царе-годе, как и сочинения о возрастах человеческой жизни, о сути Псалтыри и т. п., составила иную, полуфольклорную традицию жанра, отличную от высокой философской и публицистической литературы. Но и для нее главным является *аллегория, иносказание*. Форма притчи, несомненно, использована здесь не только как художественное средство, но и в учительных целях — для лучшего усвоения знаний. Недаром и в этом тексте перед началом толкования читается своеобразная похвала притче: «Разумеите же, братие, притчи сея вину и познайте, причинюще в грубыя моя стихи, и уведите, что глаголет И великаго Бога помощью открыется разум чтущим ея, и благодатию Его просветится ум наш к познанию истину сея».³³

Идея равенства поэта Создателю появится в русской литературе только в XVII в., с развитием философии и поэтики барокко.³⁴ Характерно, что именно крупнейшему на Руси представителю барочной школы, Симеону Полоцкому, принадлежит и первый опыт переложения евангельской притчи для сцены — имеется в виду «Комидия притчи о блудном сыне».

Однако традиция связывать притчу прежде всего с Писанием сохраняется и в позднейшее время. В качестве примера можно привести цитату из сочинения сибирского старообрядческого наставника, который использует понимание притчи как иносказания в собственной духовной полемике:

«Некоторые из старообрядцев, принимая Божественное Писание о последнем времени в буквальном онаго смысле, т. е., как сказано святым Григорием Богословом, по письмени, убеждаются, что Антихрист будет

³² Об истории текста на Руси см.: Романова А. А. Состав и редакции «Предисловия святцам» // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 164—206.

³³ РНБ, собр. Погодина, № 1583, л. 199.

³⁴ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 173—184.

человек, как и вообще люди, что царствовать он будет только три года с половиной и что на изобличение его Господь пошлет пророков Илию и Еноха и Иоанна Богослова, которых он и убьет. Другие же, напротив, совершенно противоположного мнения; они полагают, что *Писание глаголет о сем иносказательно и что это заключает в себе притчу, а потому следует понимать это духовно*³⁵

Притча — своеобразная «масс-медиа» средневековой литературы, и понимание ее специфики позволит нам вскрыть многие общие черты художественного творчества Древней Руси. Ее становление как самостоятельного жанра — в разных его модификациях — на русской почве происходит в течение XVI в., и именно этот век может быть назван не только веком публицистики, но и веком русской притчи.

³⁵ «Цветник» И. И. Кандулина (Институт истории Сибирского отделения РАН, 186/86, л. 139—139 об.) — указано Н. Н. Покровским.